
Конструирование «чужого» на Дальнем Востоке: иностранный мигрант между правом и публичным страхом

Л.Е. БЛЯХЕР*, А.В. КОВАЛЕВСКИЙ**, А.С. ДОМЧЕНКО***

***Леонид Ефимович Бляхер** – доктор философских наук, профессор, Высшая школа социальных и политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Андрей Владимирович Ковалевский** – кандидат социологических наук, заведующий, Лаборатория междисциплинарных исследований социального капитала, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, 012551@togudv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1576-337X>

*****Артем Сергеевич Домченко** – кандидат юридических наук, директор, Юридический институт, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, 013299@togudv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1796-9646>

Цитирование: Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В., Домченко А.С. (2025) Конструирование «чужого» на Дальнем Востоке: иностранный мигрант между правом и публичным страхом // Мир России. Т. 34. № 4. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-4-6-28

Аннотация

Статья раскрывает механизм превращения символически нагруженного образа «чужого» в совокупность правовых ограничений, формирующих нормативно-символическое пространство исключения. Авторы обращаются к проблеме расхождения между статистически незначительной иностранной миграцией в регионах Дальнего Востока России и интенсивной правовой и медийной борьбой с ней, предлагая рассматривать эту дихотомию как ядро формирующегося миграционного правопорядка – «клетки для чужих».

Эмпирическая база включает анализ федеральных и региональных нормативных актов, судебной практики 2022–2025 годов, а также массив социологических данных – неформализованные интервью с жителями Хабаровска, Владивостока и Биробиджана и материалы региональных Интернет-СМИ середины 2023 – начала 2025 годов. Такой междисциплинарный корпус позволяет сопоставить официальную правовую доктрину с дискурсивными страхами, циркулирующими в публичном пространстве.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20038 (<https://rscf.ru/project/24-18-20038/>) совместно с Министерством образования и науки Хабаровского края (соглашение 116С/2024).

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в мае 2025 г.

В результате реконструирована архитектура современного миграционного режима: выделены юридическая и политико-управленческая модели ограничения, предложена типология правоограничений (юрисдикционных, компенсаторных, инклюзивных, экспульсивных) и показано, как «чужая клетка» трансформируется в правовой инструмент селекции и стигматизации.

Ключевые слова: миграция, образ «чужого», правовое регулирование, символическая исключенность, миграционная политика, Дальний Восток России, нормативные ограничения, стигматизация мигрантов

Введение

Одним из необычных и поэтому заслуживающих внимания исследовательских обстоятельств последних лет стало, с одной стороны, существенное сокращение иностранной миграции в России [Миграция населения в 2024 году: потоки ослабевают 2025], а с другой – появление значительного числа законодательных и правоприменительных инициатив, так или иначе касающихся ограничений прав иностранных мигрантов [Новые миграционные правила 2024].

Возникает ощущение, что в стране существуют две почти не пересекающиеся реальности миграции: одна – фиксируемая в статистике и влияющая на эффективность ряда ключевых отраслей экономики, другая преимущественно присутствующая в медиапространстве, в публичном, повседневном и отчасти даже научном дискурсе [Сергеева, Ракова 2013]. Об опасных нелегалах, якобы являющихся рассадником криминала и терроризма, пишут довольно много. И хотя в подобных публикациях имплицитно присутствует понимание, что в большинстве случаев под нелегальностью подразумевается скорее отсутствие жесткого контроля, чем само по себе нарушение закона, доминирует идея о том, что отсутствие контроля над мигрантами (например, из стран ЕврАзЭС) якобы неизбежно ведет к преступности или, по крайней мере, создает для нее условия [Золотарев 2015].

Первый вид миграции в последние годы демонстрирует все более отчетливую тенденцию к снижению. Если из общей картины, отраженной в данных Росстата, исключить столичные мегаполисы, численность иностранных мигрантов, включая выходцев из ближнего зарубежья, оказывается пренебрежимо малой. Однако, судя по материалам интервью, публикациям в СМИ и высказываниям официальных лиц, помимо официальной статистики, существует иная – теневая, нелегальная миграция, значительно более масштабная и, что особенно важно, воспринимаемая как более опасная. Именно она, по всей видимости, оказывает влияние на формирование правовых ограничений и на текущие правоприменительные практики в отношении иностранных мигрантов.

В настоящей статье мы постараемся проследить, каким образом символически нагруженные образы «чужого» трансформируются в конкретные правовые ограничения, формируя нормативно-символическое пространство исключения даже в тех случаях, когда самих «чужих» оказывается пренебрежимо мало. Именно

такая ситуация наблюдается сегодня в дальневосточном регионе. Несмотря на изменение формы учета – когда фиксируется не прибытие, а факт пересечения границы – Дальний Восток, в отличие от большинства других регионов, по данным Росстата, продолжает демонстрировать сокращение численности иностранных мигрантов [Миграция населения Российской Федерации 2025].

Цель нашей работы – проследить формирование особого правового режима в отношении определенной социальной группы, которую мы обозначаем термином «мигранты». При этом, как будет показано далее, речь идет не столько о юридическом содержании этого термина, сколько об образе, формирующемся под воздействием общественных страхов и направленном на вполне конкретную социальную группу, подвергаемую стигматизации.

Анализируя путь от публичных страхов к закрепленным в праве нормам и практикам их применения, мы стремимся реконструировать механизм, посредством которого право одновременно выступает как инструмент миграционного контроля и как средство институционализации коллективных представлений о «чужом». Заявленный процесс рассматривается нами на региональном уровне – в привязке к Дальнему Востоку России, что обусловлено характером имеющегося эмпирического материала. Даже в тех случаях, когда это явно не артикулируется, наш исследовательский интерес сосредоточен именно на этом регионе. При этом мы допускаем, что в других локалах Российской Федерации ситуация может разворачиваться по-иному.

Теоретической рамкой нашего анализа выступает понятие «чужого» в интерпретации К. Шмитта [Шмитт 1992], осмысляемое, однако, в духе социального конструктивизма [Шюц 2008]. В данном контексте «чужой» понимается не столько как социальный агент, с которым необходимо выстраивать коммуникацию, сколько как обобщенная «точка неприятия», отталкиваясь от которой коллектив получает возможность артикулировать собственную идентичность. Другим теоретическим источником нашей работы является понятие «железной клетки». Этот концепт традиционно восходит к труду М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [Weber 1994]. Однако сегодня все чаще используется другая метафора – «стальной панцирь»; и речь здесь не только о нюансах перевода. В интерпретации Т. Парсонса «панцирь» – это система бюрократических ограничений, превращающая человека в «винтик» гигантского механизма [Baehr 2001]. У М. Вебера же описание сложнее: «панцирь» – это не только то, что сковывает и ограничивает свободу, но и то, что защищает его носителя от внешней угрозы, позволяя выстраивать социальное взаимодействие с другими «носителями панциря». Именно это, хотя и не единственное, придает смысл ношению такой, зачастую тяжелой, конструкции. В рамках настоящего исследования под «клеткой» понимается система правовых и политических ограничений, которые накладываются на повседневные практики, упорядочивающие их либо препятствующие их реализации. Такая «клетка» по своей сути направлена на отделение «своих» от «чужих» и организацию коммуникации внутри группы «своих».

Настоящая статья продолжает ранее начатую авторами концептуализацию понятий «чужая клетка», «привычная клетка», «непривычная клетка» и «клетка для чужих», представленную в рамках междисциплинарного исследования феноменов миграционной адаптации [Бляхер, Ковалевский 2025]. Толчком к этой работе послужило регулярно встречающееся в интервью утверждение информан-

тов – преимущественно выходцев из Средней Азии – о том, что мотивом переезда в Россию для них был поиск свободы.

Как показал анализ эмпирического материала, ощущение свободы формировалось за счет того, что правовые и административные ограничения, действующие в России («стальная клетка»), в значительной мере отличались от тех, что существовали в государствах исхода как в рамках «непривычной клетки» – современных нормативов, так и «привычной клетки» – ограничений, характерных для советского периода и первых постсоветских десятилетий. И в случае «непривычной клетки», и в случае «привычной» ограничения были направлены на регулирование сложившихся социальных практик. Однако если в последнем варианте между практиками и ограничениями успели сформироваться устойчивые формы взаимодействия, обеспечивающие их сосуществование, то в первом ограничения вступали в противоречие с привычными повседневными нормами, воспринимались как несвобода и становились фактором выталкивания.

Ограничения, действующие в России, были ориентированы прежде всего на собственных граждан и лишь слабо коррелировали с запретами, существующими в странах исхода мигрантов. Как правило, эти ограничения затрагивали миграционные практики лишь опосредованно и потому не воспринимались иностранными мигрантами как болезненные или препятствующие повседневной деятельности. Они воспринимались как «чужие» ограничения, как «чужая клетка». Если в предыдущей работе внимание было сосредоточено на восприятии ограничений самими мигрантами [Бляхер, Ковалевский 2025], то в данной статье предпринимается попытка описать нормативно-правовую логику формирования соответствующих ограничительных режимов, легитимируемых через институциональные механизмы. При этом предполагается, что эти режимы формируются в ответ на угрозы, символически приписываемые фигуре мигранта.

Эмпирическая база нашей работы включает два блока. Первый представлен правовыми актами различного уровня и правоприменительной практикой в отношении иностранных граждан, находящихся на территории России. Как будет показано далее, именно эти источники формируют основу ограничительных режимов. Ко второму блоку примыкают данные официальной статистики, отражающей перемещение иностранных граждан в регионе, полученные по запросу из Росстата, а также статистические сведения из открытых источников.

Помимо собственно правовых актов, для объяснения вышеописанной парадоксальной ситуации – борьбы с практически отсутствующим противником, нами также использовался массив социологического материала. Прежде всего речь идет о неформализованных интервью (N=21), проведенных с гражданами Российской Федерации, проживающими в городах Дальнего Востока, преимущественно в Хабаровске, Владивостоке и Биробиджане. Эти интервью были собраны в рамках нескольких исследовательских проектов, реализованных при поддержке РНФ в 2018–2024 гг. В этих проектах анализировались особенности социальной адаптации и формирования идентичности мигрантов, прибывших на Дальний Восток из стран Средней Азии. Дополнительный эмпирический материал был получен в ходе анализа публикаций в средствах массовой информации Хабаровского края, преимущественно Интернет-изданий с охватом аудитории от 50 000 чел. за период с середины 2023 по начало 2025 г.

Географическая рамка исследования

Миграция в контексте Дальнего Востока традиционно рассматривается как одна из ключевых проблем в социально-демографических, политологических и ряде других дисциплин. Однако основное внимание, как правило, уделяется либо причинам и динамике миграционного оттока российских граждан в рамках так называемого «западного дрейфа» [Мкртчян 2013], либо миграции в регион граждан Китайской Народной Республики [Рязанцев и др. 2016]. Внутренняя миграция, несмотря на ее значимость как инструмента административного торга между региональными властями и федеральным центром, не породила выраженных социальных фобий и не привела к формированию новой правовой категории граждан. Более того, в последние годы она демонстрирует тенденцию к снижению, что подтверждается и данными Росстата [Садловская и др. 2024]. Основным же входящим потоком на протяжении всей постсоветской истории оставались иностранные граждане [Мотрич 2017], при этом первыми значимыми группами стали мигранты из КНР. Именно с ними в постсоветский период связаны первые всплески социальных фобий в отношении мигрантов. Как и в случае любого социального явления, причины появления таких фобий многообразны, равно как и их последствия. Ниже мы обозначим те из них, которые представляются наиболее значимыми для целей настоящего анализа.

Одной из ключевых идеологем, формировавших региональное самосознание населения Дальнего Востока, особенно его южной части, выступало представление о регионе как о «крепости СССР на Востоке». Причем эта «крепость» во второй половине XX в. мысленно выстраивалась прежде всего в противостоянии с Китаем. Появление в 1990-е гг. граждан КНР на улицах дальневосточных городов (то есть внутри условной «крепости») значительная часть населения воспринимала как катастрофу, символическое «падение крепости» [Бляхер 2004]; отсюда, вероятно, и столь болезненное отношение к гражданам КНР, пребывающим в регионе. Это отношение накладывалось на укорененный с начала XX в. в регионе концепт «желтой угрозы» [Дятлов 2010] и трансформировалось в устойчивые социальные фобии, адресованные в тот момент не иностранным мигрантам в целом, а именно китайцам.

Поскольку фенотип объектов фобий существенно отличался от внешности представителей полиэтничного, но все же советского социума¹, возникала устойчивая связь между образом иностранного мигранта и этничностью. Именно этничность начинала выступать в роли маркера «чужака», причем не просто иного, а «опасного». С образом такого «чужака» ассоциировались концепты «желтой угрозы» и «тихой экспансии», широко распространенные в региональных СМИ на рубеже XX–XXI вв.

Ввиду того, что даже в пиковые годы миграционный поток из Китая, по данным Росстата, составлял менее 1% от населения региона, что слабо коррелировало с популярной идеей «захвата Востока России», сформировался концепт «нелегальных мигрантов» [Гельбрас 2004]. В результате возникло определенное раздвоение общественных представлений: с одной стороны, образ «полезных и необходимых»

¹ Дальний Восток, опустевший в результате гражданской войны, в 1930–1980-е гг. активно заселялся выходцами из разных регионов СССР.

легальных мигрантов, востребованных бизнесом; с другой – фигура угрожающего нелегала, ассоциированная с опасностью и утратой контроля.

«В то время китайцы были, как сказать, наше спасение. На стройках кто работал? Китайцы. Улицы кто подметал? Опять они же. У сапога молния слетела, к кому идешь? Не к сапожнику, а к знакомому китайцу Васе. Опять же чифаньки [кафе – прим. интервьюера] китайские» (мужчина, 67 лет, предприниматель, Хабаровск).

Именно легальные мигранты отражаются в официальной статистике. В ретроспективных интервью информанты нередко выражают поддержку идее, что китайские мигранты («гастарбайтеры») – это зло, но зло необходимое. В то же время в общественном сознании сконструировалось иное направление – отношение к нелегальным мигрантам, воспринимаемым как угроза государственной безопасности, агентам ползучей экспансии. Факт, что нелегальные китайцы фактически не обнаруживались, воспринимался не как доказательство их отсутствия, а как проявление «невероятной азиатской хитрости», что лишь усиливало и воспроизводило соответствующую фобию.

«Конечно, нелегалы были. Тут и думать нечего. Раньше же как: за каждым иностранцем люди закреплялись – пограничная территория, особый режим; вся информация о нем была. А после распада СССР бардак начался: их тысячи, никто не контролирует, делают, что хотят. Может быть, китайские власти сами их нам тогда подкидывали. Ну, нелегалов. А у нас сил и ресурсов не хватало, чтобы за ними проследить» (мужчина, 71 год, пенсионер, бывший работник силовых структур, Благовещенск).

В приведенном интервью проявляется еще одна важная смысловая связка: нелегалами китайцы воспринимались не столько из-за фактического нарушения правил пересечения границы или пребывания на территории РФ, сколько потому, что «делают, что хотят», то есть не находятся под жестким контролем.

«Видимые» китайцы – гастарбайтеры, мигранты, «чужие» добавили в образ «другого» новые черты. В общественном восприятии они представлялись как люди, плохо владеющие русским языком, неопытно одетые, демонстрирующие странное поведение. Все это, наряду с этнической принадлежностью, включалось в устойчивый образ «чужого»; они воспринимались как угроза, несмотря на то что занимали низшие социальные ниши в территориальном сообществе. Причем противопоставление «китайцев» не столько реальным гражданам КНР, сколько сконструированным через фобии виртуальным фигурам, становилось важным элементом региональной идентичности [Бляхер 2004]. Угрозы и страхи, возникшие или актуализировавшиеся в начале 1990-х гг., превратились в значимый элемент самоописания территориального сообщества, провоцируя активность на уровне региональных парламентов и через региональных представителей на федеральной арене.

Уже к концу первого десятилетия XXI в. ситуация начала меняться, и входящий миграционный поток из Китая существенно сократился, становясь

пренебрежимо малым: так, по данным Росстата, в 2023 г. на Хабаровск с населением свыше 600 тыс. чел. приходилось примерно 0,08% граждан КНР. При этом существенно изменился и качественный состав китайских мигрантов: начали приезжать не рабочие строительных объектов, не сотрудники сферы ЖКХ и не рыночные торговцы, а представители бизнеса, науки, искусства и других престижных сфер. Это обстоятельство, наряду с фактом малочисленности группы, затрудняло воспроизводство фобий, которые ранее были (хотя и не единственным) элементом региональной идентичности, поскольку образ «страшного нелегала» предполагал наличие конкретного, видимого объекта; кроме того, риторика власти все в меньшей степени подпитывала страхи, связанные с Китаем. В результате возник запрос на нового «чужака» – иную группу, на которую можно было бы спроецировать уже укоренившийся образ опасного мигранта.

Безусловно, китайцы не были единственными иностранцами, присутствовавшими на Дальнем Востоке России в постсоветский период: на протяжении всех этих лет в регион прибывали представители других входящих миграционных потоков, отличающихся стабильностью и постоянством. Однако долгое время они не вызывали заметной эмоциональной, а тем более правовой или политической реакции; речь идет прежде всего о переселенцах из стран СНГ. На протяжении XX в. Дальний Восток активно заселялся выходцами из различных республик СССР, и если переселенцы 1930-х гг. и их потомки, по данным интервью, в значительной степени утратили связь с местом исхода, то мигранты 1960–1980-х гг. эту связь сохраняли. Возникновение многочисленных факторов выталкивания, таких как армяно-азербайджанский конфликт, экологическое, демографическое и частично военное давление в странах Средней Азии, способствовало переселению жителей этих регионов в Россию. При этом выбор направления миграции часто определялся наличием уже обосновавшихся земляков, выходцев из того же города или сельского поселения, однако вплоть до 2010-х гг. эти группы не осознавались как мигранты. В рамках советской традиции они воспринимались как «новоселы» [Зайончковская 1972], а в терминологии первых постсоветских программ как «соотечественники». Даже по мере того, как на стройках региона китайцев начали постепенно заменять узбеки, сложившиеся социальные фобии не перенеслись автоматически на новый объект.

Судя по интервью, собранным авторами статьи [Бляхер, Ковалевский 2025], толчком к изменениям стала миграция в регион в начале 2010-х гг. компактной группы законтрактованных рабочих из стран Средней Азии, привлеченных на застройку Дальнего Востока. Внешние фенотипические особенности – тюркская и индоиранская внешность, подобно прежним признакам выходцев из Китая, были осмыслены как маркеры «чужого» [Бляхер, Леонтьева 2024], а сходный социальный статус облегчил перенос фобий с одной группы на другую. При этом исламофобский дискурс, широко распространенный в СМИ (и не только отечественных), сформировал основу новой версии уже известных мигрантских страхов. И хотя численность новых «страшных мигрантов» (примечательно, что именно выходцы из Средней Азии все чаще обозначались этим термином в медиа) была сопоставима с предыдущими миграционными потоками, фобия, практически исчезнувшая к началу XXI в., обрела новое дыхание. Причем если в 1990-е гг. подобные страхи воплощались преимущественно в административных мерах, то в новом столетии они начинают получать правовую форму.

Мы осознаем, что ситуация в сфере иностранной миграции может существенно различаться в разных регионах страны. В связи с этим в своих выводах мы сознательно ограничиваемся жесткой географической рамкой – Дальним Востоком, являющимся частью единого политико-правового пространства Российской Федерации. Поэтому наш анализ мы начнем с рассмотрения законодательных норм РФ, регулирующих миграционную политику.

Правовая рамка миграционной политики

Российская миграционная политика находит свое официальное выражение прежде всего в нормах действующего законодательства, а также в документах стратегического планирования, таких как *«Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации»* [Указ Президента Российской Федерации № 622 2018]. При этом участие правоприменителя в формировании и реализации миграционной политики сохраняет значимую роль, и в совокупности с иными факторами оно нередко определяет региональную специфику функционирования механизма правового регулирования.

Важно подчеркнуть, что по своей структуре право как в частной, так и в публичной подсистемах правопорядка изначально не ориентировано на исключение или существенное ограничение правосубъектности лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации². Тем не менее ограничения специальной правосубъектности таких лиц допустимы исключительно в целях защиты конституционно значимых ценностей, указанных в части 3 статьи 55 Конституции РФ. К ним относятся основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, оборона страны и безопасность государства; также существенным является конституционное требование о том, что ограничение прав допускается исключительно на основании федерального закона.

Однако на практике механизм правового регулирования в России демонстрирует иной подход к установлению ограничений прав иностранных граждан и лиц без гражданства. Поскольку Конституция закрепляет принцип равенства всех перед законом, в 1990-е гг. мигрантофобские настроения чаще находили выражение в форме административных решений и действий, а не в правовых нормах. Но в XXI в. ситуация постепенно меняется и ограничения все чаще получают нормативное закрепление. Прежде всего речь идет об ужесточении правовых предписаний, распространяющихся как на лиц, не являющихся гражданами России, так и на граждан, получивших российское гражданство в порядке натурализации. Это ужесточение отражается, в частности, в возможности прекращения гражданства у лиц, не являющихся гражданами по рождению, например, в случае

² Так, часть 2 статьи 19 Конституции РФ гласит: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Эти положения конкретизируются частью 3 статьи 62 Конституции РФ в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации».

совершения преступлений, создания угрозы национальной безопасности или неисполнения обязанности по постановке на воинский учет.

Показательным становится и усиление юрисдикционных механизмов. Ранее российские суды при рассмотрении дел об административных правонарушениях, влекущих выдворение иностранного гражданина за пределы РФ, придавали особое значение наличию у правонарушителя семьи на территории России. В целом судебная практика исходила из того, что административное выдворение в отношении иностранных граждан, имеющих семью в России, допустимо лишь в исключительных случаях. Однако позиция Конституционного Суда РФ в последние годы стала жестче: так, в Постановлении от 06.10.2022 № 41-П сказано: «<...> даже наличие семьи не обеспечивает иностранным гражданам бесспорного иммунитета от законных принудительных мер миграционной политики, соразмерных опасности миграционных правонарушений (особенно массовых)»³. Этот аспект крайне важен для анализа рассматриваемой ситуации, поскольку позволяет значительно расширить границы группы мигрантов, по крайней мере в общественном сознании, охваченном фобией. Иностранцами мигрантами в таком восприятии становятся не только лица с соответствующим юридическим статусом, но и граждане Российской Федерации, получившие гражданство в порядке натурализации, то есть формально не являющиеся мигрантами, и их гражданство воспринимается как «неполноценное» или «неподлинное». Этот феномен подтверждается и в интервью с информантами – гражданами РФ, прошедшими процедуру натурализации; в их восприятии фенотип нередко оказывается значимее паспорта.

Правовая позиция, изложенная высшим органом конституционного контроля, была воспринята судами общей юрисдикции как основание для применения административного выдворения даже в случае наличия у иностранного гражданина семьи на территории России. В результате судебная практика 2022–2024 гг. начала развиваться в русле указанных прецедентов, отражая реализацию принципа «нарастающей репрессии» в отношении лиц, не являющихся гражданами России, а также тех, кто получил гражданство в порядке натурализации, причем данная тенденция сохраняется и в настоящее время.

Проанализированные нами судебные акты за период 2022–2024 гг., вынесенные судами Хабаровского края, Еврейской автономной области и Приморского края (всего рассмотрено 50 дел на основе материалов, размещенных в открытом доступе на портале «СудАкт»), подтверждают ранее заявленный тезис об усилении юрисдикционного механизма в логике «нарастающей репрессии». Во всех рассмотренных делах иностранным гражданам, совершившим правонарушения, было назначено наказание в виде административного выдворения за пределы РФ. Примечательно, что в обоснование таких решений суды регулярно ссылаются на различные формы «необходимости», апеллируя к балансу публичных и частных интересов, например, к «действительной необходимости» или «необходимости, обусловленной условиями демократического общества». Особо отметим использование концепта «необходимость» как основания юридического решения: на практике его наличие определяется не столько нормой закона, сколько усмотрением правоприменителя. Именно

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2022 N 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”» (2022) // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428492/, дата обращения 15.05.2025.

в этом контексте и обнаруживается пространство для проникновения социальных образов и фобий в сферу правоприменительной практики.

Однако меры правоограничительного характера, перечень которых можно было бы продолжить, лишь в общих чертах отражают официальную политико-правовую позицию государства в миграционной сфере. Более того, анализ миграционно-правового режима, форм правового воздействия на общественные отношения с участием иностранного элемента и сопутствующих ограничений неправомерно сводить к простому перечислению или каталогизации отдельных государственных мер в отношении мигрантов. Как справедливо замечено, «<...> еще со времен Платона известно, что перечень не выражает сущность» [Бадью 2011, с. 17].

Для понимания генезиса и сущности тех или иных ограничений прав иностранных граждан (а шире – мигрантов) необходимо различать две схожие, но относительно самостоятельные модели, лежащие в основе реализации правоограничительных мер [Малько 1995]. Речь идет о юридической и политико-управленческой моделях, каждая из которых соотнесена с одной из базовых подсистем общества и реализуется в публичном пространстве.

Правоограничения для иностранных мигрантов: конструирование «клетки для чужих»

Итак, в правовой системе существуют механизмы, которые делают мигранта – гражданина иного государства, а порой и гражданина РФ, получившего гражданство в порядке натурализации, – «иным» с точки зрения применения к нему правовых норм. Эту ситуацию мы обозначаем термином «клетка для чужих»: социальная группа оказывается выделенной из общего сообщества, и в отношении нее начинают действовать особые, отличные от общих, правовые режимы.

Юридическая модель может быть охарактеризована следующим образом: правовой статус физического лица – негражданина, как правило, формируется путем законодательного введения изъятий из общего правового статуса либо дополнения его строго определенными обязанностями. В большинстве случаев такие изъятия и обязанности оформляются в виде правоограничений, выполняющих функцию своеобразных «входных фильтров». Эти ограничения или фиксируют регулятивно-статическое положение субъекта в рамках действующего правопорядка, или обеспечивают функционирование механизмов вытеснения лиц, признанных нежелательными с точки зрения их пребывания на данной территории. Реализация правопорядка в рамках данной модели требует высокой степени формальной определенности правовых норм, обеспечивающих прозрачность административных процедур и четкость условий въезда, выезда, пребывания и проживания в стране. К ним относятся в том числе правила получения необходимых документов, порядок доступа к социальным услугам, а также предсказуемость возможных неблагоприятных последствий для иностранного гражданина, вплоть до наступления юридической ответственности.

Политико-управленческая модель, в отличие от юридической, формирует особый политико-правовой статус иностранного гражданина, в котором доминируют элементы иммунологического выделения и обособления, тогда как правовая форма

отступает на второй план. Речь идет не столько о дополнении правосубъектности неграждан внешне навязанными элементами, сколько о формировании специфического (или трансформации уже существующего) отношения со стороны других участников правовой коммуникации к содержанию этой специальной правосубъектности. В подобных условиях миграционная политика воздействует на правопорядок преимущественно не путем принятия новых правовых норм (хотя и это не исключается), а опосредованно – через влияние на правосознание и правовую культуру в целом. В отличие от миграционного законодательства, ориентированного на формальное установление ограничений, миграционная политика влияет на интенсивность и направленность применения уже существующих ограничений – прежде всего посредством воздействия на правовую коммуникацию.

Подобная модель коррелирует с ранее описанным феноменом «чужой клетки» – социального и правового порядка, который воспринимается мигрантом как внешне ограничивающий, но внутренне нейтральный. Как показывают наши эмпирические данные [Бляхер, Ковалевский 2025], на начальном этапе такие ограничения не воспринимаются как обременительные, поскольку кажутся «не своими» и временными. Количество правовых новаций в данной сфере относительно невелико, и большая их часть формально нейтральна по отношению к иностранным гражданам. Сложившиеся в регионе транснациональные сети, по свидетельствам информантов, позволяют эффективно обходить или компенсировать меры «входного контроля», связанные, например, с получением разрешительных документов, патентов на работу и прочее. Однако наличие политико-правовых ограничений, обусловленных спецификой правоприменения, приводит к тому, что в процессе инкультурации «чужая клетка» начинает восприниматься как «клетка для чужих», что в свою очередь усиливает эффект вытеснения и стигматизации, находящий отражение в нормативной архитектуре.

Именно за счет действия стратегем, идеологических установок, политических позиций и лозунгов в правовую коммуникацию внедряются определенные иммунологические представления и схемы восприятия. Материалы интервью с жителями Дальнего Востока достаточно четко фиксируют подобные установки: мигрант воспринимается как потенциальная угроза. Причем в первую очередь как источник криминальной угрозы (в 16 из 21 интервью), и она относится именно к мигрантам из стран Средней Азии, а не, например, к выходцам из Украины или Юго-Восточной Азии.

«Да, они все там наркоманы, тащат сюда свою дурь, а потом преступления совершают. Они же в основном просто дикари. Женщины нормальной никогда не видели. Их женщины дома сидят. Вот и пытаются с нашими девушками знакомиться. А как, не знают. Что получается? Не догадываешься? Изнасилование. Конечно, есть и нормальные. Я – не националист, но большинство из них просто опасны» (мужчина, 43 года, преподаватель техникума, Хабаровск).

Однако криминальная угроза не единственная: почти столь же часто (в 14 из 21 интервью) респонденты выражают опасения, связанные с угрозой здоровью окружающих.

«Вы плохо представляете, что такое эти мигранты: это же рассадник всевозможных болезней. Чего там только нет. Хотите туберкулез? Пожалуйста. Хотите что-то пострашнее? И это найдем. И вся эта прелесть к нам едет. Понятно, что контроль есть, и он необходим. Но это же азиаты, они извернутся. Тому на лапу дадут, этому, вот и проскочил больной, а мы потом с эпидемией сражаемся» (мужчина, 53 года, медицинский работник, Хабаровск).

Некоторые информанты, хотя и в меньшинстве, воспринимают мигрантов как политическую угрозу: в трех интервью прослеживается прямая связь между религиозной принадлежностью мигрантов и предполагаемой поддержкой ими терроризма. В одном случае мигранты рассматривались как угроза русской культуре и фактор размывания национальной (этнической) идентичности местного населения. Примечательно, что подобные суждения высказывались социальными активистами и общественными деятелями.

Показательно, что негативный дискурс в отношении мигрантов – и именно выходцев из стран Средней Азии – активно поддерживается региональными средствами массовой информации: так, в 2024–2025 гг. тема миграции в СМИ Хабаровского края (в том числе в издании «Тихоокеанская звезда», на портале DVHAB и др.) последовательно связывалась с риторикой ограничений, сообщениями о правонарушениях, совершенных иностранными гражданами, и о действиях правоохранительных органов по их пресечению. При этом следует особо отметить, что термин «мигрант» в этом дискурсе утрачивает свое исходное юридическое или демографическое значение, превращаясь в эвфемизм, фактически обозначающий прежде всего выходца из Средней Азии. При этом те же СМИ сообщают, что на иностранных мигрантов приходится лишь около 1,5% от общего числа правонарушений, причем основная их часть связана с нарушением паспортно-визового режима⁴. Однако в той же публикации отмечается, что только в 2024 г. было проведено 103 рейда, в ходе которых задержано 2056 иностранных граждан, и подчеркивается тенденция к увеличению числа подобных мероприятий.

До недавнего времени в региональном информационном пространстве – как в СМИ, так и за их пределами – существовал и альтернативный дискурс, исходивший преимущественно от представителей строительного и транспортного бизнеса. В этом контексте мигранты рассматривались как способ преодоления дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. Однако в настоящее время связь между миграцией из Средней Азии и обеспечением рабочей силы утрачивает свою актуальность: численность мигрантов из данного региона перестает быть определяющим фактором. Все чаще в фокусе оказываются вахтовые работники, преимущественно из западных регионов России, доля которых, по данным статьи в РБК, в ключевых отраслях региона достигла 30%⁵. Относительно новой темой становятся трудовые мигранты из стран Юго-Восточной Азии, однако они пока не являются объектом ни массовых фобий, ни общественного обсуждения прежде всего в силу их крайне незначительной численности в регионе.

⁴ Мезенин И. (2024) На иностранцев в Хабаровском крае приходится полтора процента преступлений // TodayKHN. 28 мая 2024 // <https://todaykhv.ru/news/society/79965/>, дата обращения 28.05.2025.

⁵ Резник И. (2024) Как на Дальнем Востоке решают проблемы кадрового дефицита // РБК. 4 августа 2024 // <https://plus.rbc.ru/news/66c34f777a8aa9a5a9d7812f>, дата обращения 28.05.2025.

Именно здесь возникает ощущение существования «двух миграций». Первая – официальная, фиксируемая Росстатом, – представляет собой незначительную долю от общей численности населения региона: так, прирост за счет международной миграции в 2024 г. составил лишь 4141 чел., при том что в предыдущие годы наблюдалось устойчивое снижение этого показателя [Международная миграция населения Хабаровского края за 2025]. При этом сам прирост обусловлен, скорее, изменением порядка регистрации, нежели реальным увеличением численности мигрантов. Даже с учетом натурализованных (получивших российское гражданство) лиц их доля в населении региона не превышает 0,3%. Статистически правонарушения, совершаемые этой группой, крайне редки, и в большинстве случаев речь идет не об уголовных, а об административных нарушениях.

Существует и другая миграция – та, которая формируется в медиапространстве и оттуда проникает в общественный дискурс, укореняясь в массовых представлениях населения. Эта миграция выглядит гораздо более многочисленной, поскольку образ мигранта в данном контексте определяется не столько его правовым статусом, сколько фенотипическими признаками и внешними проявлениями этничности.

«Я мигранта всегда узнаю. Ну, этих, черных. Он уже на русском языке, как на своем, говорит. Одевается как человек, паспорт у него российский. А все равно его нутро просматривается, не наше нутро» (мужчина, 54 года, предприниматель, Находка).

Именно такое крайне расширительное понимание концепта «мигрант» способствует формированию образа скрытой миграции – той, которую не видит статистика. Этим мигрантам приписывается устойчивый набор социальных характеристик, регулярно воспроизводившихся в большинстве интервью. «Мигранты» (кавычки здесь осознанны, поскольку речь идет не о юридическом статусе) в восприятии информантов – это носители низкой культуры и недостаточных профессиональных навыков; они, как правило, плохо и неопрятно одеты, выполняют непрестижную, низкооплачиваемую работу. При этом им инкриминируется агрессивное поведение по отношению к представителям местного населения, особенно женщинам. Более того, в ряде интервью высказывалось мнение о связи мигрантов с террористическими организациями, запрещенными на территории Российской Федерации, а также об угрозе, которую они представляют для национальной идентичности местного сообщества.

Подобные представления, даже не будучи формализованными в структуре правовых норм, оказывают существенное влияние на правоприменительную практику и реализацию миграционной политики. В аргументационный инструментарий правоприменителя постепенно и незаметно внедряются основания и принципы, не относящиеся к сфере собственно права, но воспринимаемые как легитимные. Ярким примером служит практика, когда судьи Верховного Суда РФ при принятии решений о выдворении иностранных граждан с территории России ссылаются не столько на юридические нормы, сколько на концепцию «насущной

социальной необходимости»⁶. Именно подобного рода обоснования становятся основой политики в отношении так называемых «опасных мигрантов» – тех, кого может не быть в статистике, кого остро не хватает на стройках, но кто прочно укоренился в массовом сознании и, что особенно важно, в представлениях носителей и транслирующих агентов общественных страхов.

От правового к политико-административному регулированию: а судьи кто?

Таким образом, внедрение категории «насуточной социальной необходимости» в правовую аргументацию может рассматриваться как проявление трансформации миграционного порядка – от условно-правового к символически-политическому. Эту тенденцию подтверждают эмпирические данные: мигранты, как правило, не осмысливают наложенные ограничения, а адаптируются к ним без выраженной рефлексии, воспринимая такую «клетку» как фоновую норму. Подобный переход от нормы к фону указывает на институционализацию политико-культурных фильтров внутри правовых конструкций.

Примечательно, что подобный подход коренным образом трансформирует представление о бинарной логике права, которая, по Н. Луману, основывается на противоположностях «правовое/неправовое» и «законное/незаконное» [Luhmann 1986]. В рассматриваемом случае правоприменительный акт оперирует уже не классическими юридическими оппозициями, а иными бинарными кодами – «насуточное/несуточное», «социальное/персональное», «необходимое/случайное». Иными словами, практика применения охранительного (юрисдикционного) механизма отражает не столько строго формализованную правовую позицию, сколько общее «настроение» или «атмосферу» государственных институтов и конкретных должностных лиц, принимающих решения. Это, в конечном счете, находит выражение и в проводимой миграционной политике.

В итоге, актуальное определение миграционного права может быть сформулировано следующим образом: *«совокупность условий, при которых асимметрия статусов – различие правовых и социальных возможностей – в отношениях между гражданином и иностранным гражданином, а также между государством и иностранцем, признается допустимой с точки зрения насуточной социальной необходимости»*. Предложенная формула, с одной стороны, соотносится с положениями «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», «Стратегии национальной безопасности РФ» [Указ Президента РФ № 400 2021] и других стратегических документов, отражая их основное содержание. С другой стороны, она позволяет по-новому – в отличие от традиционно юридического подхода – интерпретировать и классифицировать типы ограничений прав иностранных граждан, включая их институциональные и символические основания.

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 13.05.2024 № 48-АД 24-14-К7 (2024) // Консультант Плюс // [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811887#eproUpUP2RY3uaZK](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811887#eproUpUP2RY3uaZK;);
Постановление Верховного Суда РФ от 04.04.2025 № 9-АД25-4-К1 // Легалакт // <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04042025-n-9-ad25-4-k1/?ysclid=mchejyi41t754696883>, дата обращения 28.05.2025.

В юридической науке принято выделять два основных типа (или модели) правоограничений. Первый тип – «ограничение права – личные гарантии» – характерен прежде всего для правоохранительных отношений, в которых основанием для ограничения выступает совершенное субъектом правонарушение. При этом государство нормативно устанавливает гарантии законного и гуманного обращения с правонарушителем, поскольку меры правового принуждения не могут иметь своей целью «унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего правонарушение, или причинение ему физических страданий» (ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ; ч. 2 ст. 7 УК РФ). Этот тип ограничений можно условно обозначить как *юрисдикционный*. Второй тип носит сдерживающий характер и не основан на противоправном поведении субъекта, что предполагает менее жесткие основания и более широкие возможности его применения. Его условно можно обозначить как компенсаторный или *реакционный* [Домченко, Соболев 2021]. Оба типа безусловно представлены и в миграционном праве, однако его политизация способствует формированию, по крайней мере, двух дополнительных типов ограничений в отношении иностранных граждан – инклюзивного и экспульсивного.

Инклюзивный (или ассимилирующий) тип правоограничений обусловлен необходимостью функционирования так называемых «входных фильтров» и механизмов интеграции, направленных на привлечение иностранных граждан на территорию государства и их последующую натурализацию. В рамках данной модели устанавливаются требования к уровню лояльности мигрантов по отношению к государству, владению государственным языком, состоянию здоровья, материальной обеспеченности и другим критериям, рассматриваемым как условия допустимости включения в правовое и социальное пространство страны.

Экспульсивный (вытесняющий) тип правоограничений реализуется как через юрисдикционные меры – выдворение, депортацию, реадмиссию, запрет на въезд, – так и посредством ограничений доступа к ключевым социальным институтам, таким как рынок труда и система образования. Характерным примером таких мер служат региональные запреты на трудоустройство иностранных граждан в отдельных отраслях экономики, которые наглядно иллюстрируют логику экспульсии в рамках миграционного регулирования. Так, в Хабаровском крае в 2025 г. был введен запрет на трудоустройство иностранных граждан в ряде видов экономической деятельности; ограничения затронули следующие сферы – обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; забор, очистка и распределение воды; регулярные автобусные перевозки пассажиров в городском, пригородном и междугородном сообщении; деятельность легкового такси и арендованных автомобилей с водителем; деятельность домашних хозяйств как работодателей; а также недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления⁷. В Приморском крае в 2025 г. иностранным гражданам было запрещено трудоустроиваться в организациях, осуществляющих деятельность по одному из 36 видов экономической деятельности. В Забайкальском крае под аналогичные ограничения подпали 13 видов, в Сахалинской области – 24, а в Республике Саха (Якутия) – 34. Примечательно, что введение этих мер в регионах

⁷ Постановление Губернатора Хабаровского края от 07.11.2024 № 78 «Об установлении запрета на 2025 год на привлечение иностранных граждан по патентам» (2024) // Гарант // <https://base.garant.ru/410697548/?ysclid=mcc1nvlidhp654400517>, дата обращения 28.05.2025.

происходило почти одновременно. Однако синхронность ограничений обусловлена не столько реальной региональной оценкой миграционных рисков, сколько политическими сигналами со стороны федеральных властей. Основанием для таких решений стали в основном выступления первых лиц государства, опиравшиеся преимущественно на данные, характеризующие ситуацию в западных регионах России, прежде всего в столичном мегаполисе.

Инклюзивные ограничения можно рассматривать как формализованные механизмы, направленные на трансформацию «чужой клетки» в «свою» – процесс, подробно отраженный в биографических интервью мигрантов. Напротив, экспульсивные ограничения усиливают разграничение между правовым статусом гражданина и «чужого», акцентируя логику иммунологического исключения. Важно отметить, что три из четырех рассмотренных типов правоограничений – реакционный, инклюзивный и экспульсивный – преимущественно реализуются на региональном уровне, тогда как юрисдикционный тип закреплен на федеральном уровне и осуществляется в рамках централизованного правового регулирования. Особый интерес вызывает тот факт, что помимо иммунологического эффекта, кульминацией которого является юрисдикционный тип ограничений, миграционное право как результат слияния права и политики также формирует квазиевгенический эффект. Так, натурализации подлежит лишь тот иностранный гражданин, который признается достойным и лояльным по отношению к действующему правопорядку, а въезд разрешается только тем, кто обладает признаками конкурентоспособности с точки зрения социальных и жизненных критериев. Такие субъекты перестают восприниматься как угроза или «вирус» и начинают рассматриваться как витальные амплификаторы – усилители национального политико-правового и социально-экономического пространства. При этом решение о том, является ли конкретный иностранец достойным, как и множество других значимых решений в отношении мигранта, принимается отдельным должностным лицом – представителем конкретного территориального сообщества и определенной социальной группы. Именно в этом точечном взаимодействии происходит слияние социальных фобий, миграционной политики и правоприменительной практики. Сложившийся образ мигранта – в первую очередь выходца из Средней Азии – становится фактором, влияющим на принятие решений; он не закреплен в правовой норме, но устойчиво воспроизводится в правоприменении.

Скажем, в контексте «возможной нелояльности» не становятся предметом обсуждения, по крайней мере на региональном уровне, бывшие граждане Украины или Молдовы, прибывшие на Дальний Восток в 1990-е гг. и позднее. После 2010 г. практически исчезают дискуссии о нежелательности граждан КНР, имеющих вид на жительство в России. Проблемными, потенциально нелояльными, все чаще оказываются исключительно выходцы из Средней Азии и, несколько реже, Закавказья; именно они рассматриваются как опасные мигранты, именно среди них, по мнению информантов, больше всего нелегалов, опасных по определению. При этом в массовом сознании практически не закрепляется понимание того, что нелегал – это, как правило, человек, не сумевший (иногда по вине конкретного чиновника) своевременно получить необходимый документ. В итоге формируется социальная группа, нередко лишенная внутреннего единства и правового статуса как единого субъекта, но обозначенная как «чужая» исключительно на основании социальной фобии. Ее составляют не столько иностранные граждане *per se*,

сколько те, кто в общественном и административном сознании был назначен чужим. Таким образом, формируется «клетка для чужих» – система правоприменительных практик, обусловленных страхами и предубеждениями, вне зависимости от их объективной обоснованности.

Подобная стигматизация конкретной этносоциальной группы может показаться странной и лишённой рационального основания, однако сам факт ее наличия и устойчивости на протяжении длительного времени свидетельствует о ее значимом функциональном статусе в принимающем сообществе. Очевидно, что причин, породивших стигму «чужого», существует несколько. В то же время имеющийся эмпирический материал не позволяет провести их полноценный анализ. В данном случае мы можем лишь выдвинуть гипотезу, требующую подтверждения или опровержения в рамках последующих исследований.

Заключение

Представление об опасных мигрантах, подлежащих жесткому контролю даже после правовой натурализации, оказывается устойчивее и весомее, чем статистические данные Росстата или объективная потребность в трудовых ресурсах, которая сегодня лишь нарастает. Это представление влияет на общественные настроения, определяет поведение правоохранительных органов, судебные решения и даже содержание правовых норм. Очевидно, что столь масштабный феномен не может быть порожден единственной причиной: как правило, подобные социальные конструкции формируются в результате наложения множества факторов, совпадения институциональных и частных интересов. Однако среди них есть одно обстоятельство, которое мы считаем необходимым подчеркнуть особо.

Одним из сложнейших социальных явлений последних столетий стало становление политической нации как основы государства. Именно она придает смысл функционированию ключевых институтов, снижая общественные издержки на контроль и координацию. В применении к европейским народам этот процесс многократно описан [Бродель 2003, с. 620–632]. Однако на постсоветском пространстве в конце XX в. возникло 15 новых государств, значительная часть которых либо никогда не имела устойчивой государственной формы, либо не существовала в нынешних границах. В этих условиях нациестроительство становится центральной задачей [Каспэ 2008]. Одним из его неизбежных побочных эффектов оказывается формирование стигматизированных групп, и Россия в этом отношении не является исключением.

Возникшая в 1991 г. новая полития – Российская Федерация – оказалась государством без сформированной политической нации. В отличие от нее, ее предшественник – Советский Союз – такую нацию сформировал: советский народ выступал в качестве политической нации СССР [Варнавский 2004]. Однако новая Россия в момент своего становления воспринималась как антитеза Советскому Союзу, и именно поэтому эта категория оказалась объектом жесткой критики [Тишков 2008], а поиск национальной идеи и оснований для формирования политической нации в постсоветской России приобрел особую интенсивность [Щелкунов 1997].

В начальный период существования побеждает не столько национальная, сколько интернациональная, а порой и космополитическая идея. Это было характерно не только для молодой России: мыслители и политики того времени писали о конце истории, закате государства и исчезновении необходимости в политической нации в глобализирующемся мире [Фукуяма 2004]. Но мир стремительно менялся и становился все менее предсказуемым. Шиллеровское “An die Freude” звучало все менее уверенно. Конфликтный мир – из недоразумения, которое якобы легко устранить, – постепенно превращался в новую норму. В этих условиях наличие политической нации, прочной гражданской идентичности становились не идеалистическим пожеланием, а насущной необходимостью, условием устойчивости и выживания.

Советский народ как политическая нация обладал достаточно четко осознаваемыми границами, противопоставлениями с «чужими» и выверенным набором «врагов» [Шмитт 1992]. Для Российской Федерации все оказалось куда сложнее. Если внешнеполитическая ситуация подталкивала к формированию политической нации, то обострившиеся в длинные 90-е различия между регионами, этносами и социальными группами действовали в обратном направлении. Именно здесь возникает острая потребность в «другом» – фигуре, по отношению к которой внутренне разрозненное сообщество могло бы осмыслить и утвердить себя как политическую нацию. Когда-то Испании для достижения столь желанного единства потребовались мориски и мараны. Похоже, аналогичную роль в современной России играют мигранты. Конечно, «чужой» – не единственный механизм нациестроительства, но он необходим, и эту необходимость ощущают как представители власти⁸, так и сами информанты, а «отсутствующие мигранты» идеально подходят на эту роль. Возможно, именно это и порождает «другую миграцию» – ту, что влияет на массовое сознание, управленческие решения и нормативную архитектуру. В этом смысле она действительно реальнее статистики: ведь именно она определяет поведение миллионов – и вовсе не только мигрантов.

Список источников

- Бадью А. (2011) Рапсодия для театра: краткий философский трактат. М.: Модерн.
- Бляхер Л.Е. (2004) Политические мифы Дальнего Востока // ПОЛИС. Политические исследования. № 5. С. 28–39 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/5/Polis-2004-5-Blyakher.pdf>, дата обращения 28.05.2025.
- Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. (2025) «Клетка» привычная, непривычная и чужая, или почему эмигранты едут за свободой // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1 (116). С. 21–55. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-116-1-21-55
- Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О. (2024) Существует ли социальная группа «мигранты» в Хабаровском крае? (очерки мифологии миграции) // Мир России. Т. 33. № 3. С. 27–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-27-50
- Бродель Ф. (2003) Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 частях. М.: Языки славянской культуры.
- Варнавский П. (2004) Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. № 4. С. 239–262. DOI: 10.1353/imp.2004.0120

⁸ Путин В.В. (2016) Патриотизм – это и есть национальная идея // ТАСС. 3 июня 2016 // <http://tass.ru/politika/2636647>, дата обращения 28.05.2025.

- Гельбрас В.Г. (2004) Последствия китайской миграции для России // Внешнеэкономический бюллетень. № 8. С. 27–31.
- Домченко А.С., Соболев О.В. (2021) Установление правоограничений органами местного самоуправления в условиях пандемии COVID-19 // Муниципальная служба: правовые вопросы. № 4. С. 25–28.
- Дятлов В.И. (2010) «Желтая опасность» как орудие «мирового еврейского заговора»: на границе «великих ксенофобий» // Базаров Б.В. (ред.) Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Сборник научных статей. Иркутск. С. 313–329.
- Зайончковская Ж.А. (1972) Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика.
- Золотарев Л.Л. (2015) Нелегальная миграция в российской Федерации // Юридическая мысль. № 1. С. 37–39 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24040108_30968453.pdf, дата обращения 28.05.2025.
- Каспэ С.И. (2008) Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 17–26 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sodruzhestvo-varvarskih-korolevstv-nezavisimye-gosudarstva-v-poiskah-imperii/viewer>, дата обращения 28.05.2025.
- Малько А.В. (1995) Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): дис. д-ра юрид. наук. Саратов.
- Международная миграция населения Хабаровского края за 2024 год (2025) // Федеральная служба государственной статистики // <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028>, дата обращения 28.05.2025.
- Миграция населения в 2024 году: потоки ослабевают (2025) // Росконгресс. 16 апреля 2025 // <https://roscongress.org/materials/migratsiya-naseleniya-v-2024-godu-potoki-oslabevayut/>, дата обращения 28.05.2025.
- Миграция населения Российской Федерации в 2024 году (2025) // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>, дата обращения 28.05.2025.
- Мкртчян Н.В. (2013) Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.) Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. Иркутск: Оттиск. С. 41–61.
- Мотрич Е.Л. (2017) Роль миграции в динамике населения Дальнего Востока России // Социальная политика и социология. Т. 16. № 1 (120). С. 45–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-45-53
- Новые миграционные правила 2025 года: что нужно знать бизнесу (2024) // РОСМИГРАНТ. 26 декабря 2024 // <https://rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/novye-migratsionnye-pravila-2025-goda-chto-nuzhno-znat-biznesu/>, дата обращения 28.05.2025.
- Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Туан Куонг, Ху Ву Куок (2016) Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 3. С. 23–32.
- Садловская М.В., Ковалевский А.В., Бляхер Л.Е. (2024) Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 гг. Ч. 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (71). С. 95–108. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/95-108
- Сергеева А.А., Ракова М.Н. (2013) Нелегальная миграция в системе трансграничных угроз: к вопросу о проблемах нормативного регулирования миграционных процессов // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 4. № 4. С. 58–65 // <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-v-sisteme-transgranichnyh-ugroz-k-voprosu-o-problemah-normativnogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov/viewer>, дата обращения 28.05.2025.
- Тишков В. (2008) Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. Т. 6. № 4. С. 135–142.

- Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (2018) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>, дата обращения 28.05.2025.
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>, дата обращения 28.05.2025.
- Фукуяма Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Ермак.
- Шмитт К. (1992) Понятие политического // Вопросы социологии. № 1. С. 37–67 // <https://studfile.net/preview/2673462/>, дата обращения 28.05.2025.
- Шюц А. (2008) Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. Т. 2. № 1 (2). С. 72–87 // <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2008/schutz.pdf>, дата обращения 28.05.2025.
- Щелкунов М.Д. (1997) Российская национальная идея: с надеждой в будущее // Российская идея: Сущность, содержание, развитие. Материалы межвузовской научной конференции. Казань. С. 30–31.
- Baehr P. (2001) The “Iron Cage” and the “Shell as Hard as Steel” // *History and Theory*, vol. 40, no 2, pp. 153–169. DOI: 10.1111/0018-2656.00160
- Luhmann N. (1986) *The Self-Reproduction of Law and Its Limits* // *Dilemmas of Law in the Welfare State* (ed. Teubner G.), Berlin: Walter De Gruyter, pp. 113–138.
- Weber M. (1994) *Political Writings*, Cambridge: Cambridge University Press.

A Cage for Outsiders: The Image of the Migrant in Legal Perception and Among Migration Policy Actors in the Russian Far East

L.E. BLIAKHER*, A.V. KOVALEVSKIY**, A.S. DOMCHENKO***

***Leonid E. Bliakher** – DSc in Philosophy, Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation; leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Andrey V. Kovalevskiy** – PhD in Sociology, Head, Laboratory for Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation; 012551@togudv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1576-337X>

*****Artem S. Domchenko** – PhD in Law, Director, Law Institute, Pacific National University, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation; 013299@togudv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1796-9646>

Citation: Bliakher L.E., Kovalevskiy A.V., Domchenko A.S. (2025) A Cage for Outsiders: The Image of the Migrant in Legal Perception and Among Migration Policy Actors in the Russian Far East. *Mir Rossii*, vol. 34, no 4, pp. 6–28 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-4-6-28

The research was funded by the Russian Science Foundation (grant no. 24-18-20038) (<https://rscf.ru/project/24-18-20038/>) in collaboration with the Khabarovsk Region Ministry of Education and Science of (agreement no. 116C/2024).

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in May 2025.

Abstract

This article reveals the mechanism whereby the symbolically charged image of the “other” is transformed into a set of legal restrictions that construct a normative-symbolic space of exclusion. The authors investigate the mismatch between the statistically insignificant scale of foreign migration in Russia’s Far Eastern regions and the intense legal and media “struggle” against it, proposing this dichotomy as the core of an emerging migration legal order—“a cage for outsiders”.

The empirical base includes an analysis of federal and regional legislation, judicial practice 2022–2025, and an array of sociological data: non-formalized interviews with residents of Khabarovsk, Vladivostok, and Birobidzhan, as well as materials from regional online media from mid-2023 to early 2025. This interdisciplinary corpus enables a comparison of official legal doctrine with the discursive fears circulating in the public sphere.

The architecture of the contemporary migration regime is reconstructed: juridical and politico-administrative models of restriction are identified, a typology of legal constraints is proposed (jurisdictional, compensatory, inclusive, expulsive), and it is demonstrated how the “the cage for outsiders” is transformed into a legal instrument of selection and stigmatization.

Keywords: migration, image of the “other”, legal regulation, symbolic exclusion, migration policy, Russian Far East, normative restrictions, migrant stigmatization

References

- Badiou A. (2011) *Rhapsody for the Theatre: A Brief Philosophical Treatise*, Moscow: Modern (in Russian).
- Baehr P. (2001) The “Iron Cage” and the “Shell as Hard as Steel”. *History and Theory*, vol. 40, no 2, pp. 153–169. DOI: 10.1111/0018-2656.00160
- Bliakher L.E. (2004) Political Myths of the Russian Far East. *Polis. Political Studies*, no 5, pp. 28–39. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/5/Polis-2004-5-Blyakher.pdf>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Bliakher L.E., Kovalevskii A.V. (2025) The “Cage” Familiar, Unfamiliar, and Foreign, or Why Emigrants Go for Freedom. *Politeia*, vol. 116, no 1, pp. 21–55 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2025-116-1-21-55
- Bliakher L.E., Leontieva E.O. (2024) Does the Social Group “Migrants” Exist in Khabarovsk Krai? (Notes on the Mythology of Migration). *Mir Rossii*, vol. 33, no 3, pp. 27–50 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-27-50
- Braudel F. (2003) *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*, in 3 volumes, Moscow (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation No. 622 of 31 October 2018 “Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025” (2018). *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 2 July 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” (2021). *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Domchenko A.S., Sobolev O.V. (2021) Establishing Legal Restrictions by Local Self-Government Bodies during the COVID-19 Pandemic. *Municipal Service: Legal Issues*, no 4, pp. 25–28 (in Russian).

- Dyatlov V.I. (2010) "Yellow Peril" as a Tool of the "World Jewish Conspiracy": At the Boundary of "Great Xenophobia". *Asian Russia: Migrations, Regions and Regionalism in Historical Dynamics*, Irkutsk, pp. 313–329 (in Russian).
- Fukuyama F. (2004) *The End of History and the Last Man*, Moscow: AST; Ermak (in Russian).
- Gelbras V.G. (2004) Consequences of Chinese Migration for Russia. *Foreign Economic Bulletin*, no 8, pp. 27–31 (in Russian).
- International Migration of the Population of Khabarovsk Krai for 2024 (2025). *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Kaspe S.I. (2008) Commonwealth of Barbarian Kingdoms: Independent States in Search of Empire. *Politeia*, no 1, pp. 17–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sodruzhestvo-varvarskih-korolevstv-nezavisimyego-sudarstva-v-poiskah-imperii/viewer>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Luhmann N. (1986) The Self-Reproduction of Law and Its Limits. *Dilemmas of Law in the Welfare State* (ed. Teubner G.), Berlin: Walter De Gruyter, pp. 113–138.
- Mal'ko A.V. (1995) *Incentives and Constraints in Law (Theoretical-Informational Aspect)*: Doctoral dissertation, Saratov (in Russian).
- Migration of the Population of the Russian Federation in 2024 (2025). *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Migration of the Population in 2024: Flows Weaken (2025). *RosCongress*, April 16, 2025. Available at: <https://roscongress.org/materials/migratsiya-naseleniya-v-2024-godu-potokioslabevayut/>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Mkrtchyan N.V. (2013) Cities of Russia's East under the Pressure of Demographic Shrinkage and Westward Drift. *The Resettler Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. Borders of the 19th–20th and 20th–21st Centuries* (eds. Dyatlov V.I., Grigoriev K.V.), Irkutsk: Ottisk, pp. 41–61 (in Russian).
- Motrich E.L. (2017) The Role of Migration in Population Dynamics of Russia's Far East. *Social Policy and Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 45–53 (in Russian). DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-45-53
- New Migration Rules in 2025: What Businesses Need to Know (2024). *RosMigrant*, December 26, 2024. Available at: <https://rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/novye-migratsionnye-pravila-2025-goda-chto-nuzhno-znat-biznesu/>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Khramova M.N., Bui Tuan Kuong, Hu Vu Kuok (2016) Population Migration as a Key Component of Demographic Development of the Russian Far East. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*, no 3, pp. 23–32 (in Russian).
- Sadlovskaya M.V., Kovalevskii A.V., Bliakher L.E. (2024) From East to West: Interregional Migration Exchange in the East of Russia, 1991–2022. Part 1. *Oikumena. Regional Studies*, vol. 71, no 4, pp. 95–108 (in Russian). DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/95-108
- Schmitt C. (1992) The Concept of the Political. *Sociology Questions*, no 1, pp. 35–67. Available at: <https://studfile.net/preview/2673462/>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Schütz A. (2007) Some Structures of the Lifeworld. *Questions of Social Theory*, vol. 2, no 1 (2), pp. 72–87 // <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2008/schutz.pdf>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Sergeeva A.A., Rakova M.N. (2013) Illegal Migration in the System of Transborder Threats: On the Issue of Problems of Regulatory Control of Migration Processes. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, vol. 4, no 4, pp. 58–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-v-sisteme-transgranichnyh-ugroz-k-voprosu-o-problemah-normativnogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov/viewer>, accessed 28.05.2025 (in Russian).
- Shchelkunov M.D. (1997) The Russian National Idea: With Hope for the Future. *The Russian Idea: Essence, Content, and Development: Materials of the Interuniversity Scientific Conference*, Kazan, pp. 30–31 (in Russian).
- Tishkov V. (2008) The Russian People and National Identity. *Russia in Global Affairs*, vol. 6, no 4, pp. 135–142 (in Russian).

- Varnavskii P. (2004) The Soviet People: Creating a Unified Identity in the USSR as Constructing a Common Memory (Based on Materials from the Buryat ASSR). *Ab Imperio*, no 4, pp. 239–262 (in Russian). DOI: 10.1353/imp.2004.0120
- Weber M. (1994) *Political Writings*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Zaionchkovskaia Zh.A. (1972) *New Settlers in Cities (Methods of Studying Adaptation)*, Moscow (in Russian).
- Zolotarev L.L. (2015) Illegal Migration in the Russian Federation. *Legal Thought*, no 1, pp. 37–39. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24040108_30968453.pdf, accessed 28.05.2025 (in Russian).